

Илья Подольский

Секретные ФАЙЛЫ

ОЖИВШАЯ
ГОЛОВОЛОМКА

Секретные файлы

Илья Подольский

Ожившая головоломка

«Научная книга»

2001

Подольский И. А.

Ожившая головоломка / И. А. Подольский — «Научная книга»,
2001 — (Секретные файлы)

«Нет, не случайно мою двоюродную бабушку при жизни считали колдуньей!» — думал Антон, рассматривая вместе с другом странный предмет, найденный в бабушкином доме за таинственной дверью в стене. И действительно, что еще можно подумать, когда тебе в руки попадает какая-то непонятная доска с камнями, которые держатся на ней... просто так, сами по себе. «Что это: старинная головоломка? Магический амулет?» — недоумевают ребята и решают пока что оставить находку у себя. Вот с этой-то минуты и начинают твориться самые настоящие чудеса. Сперва камни движутся как живые, затем их становится больше, и, наконец, один из них вспыхивает красноватым светом. Как замороженный, Антон протягивает к нему руку...

© Подольский И. А., 2001

© Научная книга, 2001

Содержание

Пролог	5
Глава I	7
Глава II	12
Глава III	17
Интермедия 1	23
Глава IV	25
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Илья Подольский

Ожившая головоломка

Пролог

Испания, XVI век.

Эскуриал, королевский дворец.

Стражники, охранявшие широкие двери из черного дерева, украшенные золотом и слоновой костью, даже не шелохнулись при виде небольшой процессии, остановившейся прямо перед ними. Двое гвардейцев в касках с широкими полями и вороненых кирасах с королевским гербом и глазом не повели. Двоих из четверых, остановившихся перед дверью в Малый зал, где обычно король давал второстепенные аудиенции, они просто знали в лицо – это были такие же гвардейцы дворцовой стражи, как и они сами, разве что наряд у них покрывала пыль и вместо коротких алебард вооружены они были тонкими мечами и кинжалами. Это значило, что им пришлось покидать дворец – послужив здесь полгода, приходилось либо стать наблюдательным, либо оказаться где-нибудь, где идет война. Благо, сейчас недостатка в таких местах не было! Слава Его Величеству, Наихристианнейшему королю!

Было в группе ожидающих аудиенции и еще одно лицо, которое стражники знали, но предпочли бы не знать. Отец-инквизитор Антоний, помощник папского легата, представлявшего в Мадриде церковную власть. Сейчас этот маленький, незаметный человечек с костяными четками в руках был едва ли не самым опасным лицом если не во всей Испании, то уж в столице точно.

И только о высоком, худощавом человеке средних лет, затравленно озирающемся по сторонам, стражники ничего не знали, да и не хотели знать. Мало ли их было здесь таких – когда-то знатных, богатых и могущественных, а этот человек, судя по осанке и благородным чертам лица, казался именно таким. На нем был когда-то отличный черный с серебром камзол, теперь рваный и грязный, кружева дорогой батистовой рубахи превратились в серые тряпки, а парик, обязательный для всех людей знатного происхождения, отсутствовал – каштановые с проседью волосы свисали неровными прядями. На дверь перед собой он смотрел со смесью надежды и испуга.

Тем временем дверь бесшумно и плавно открылась, и появившийся на пороге распорядитель с церемониальным жезлом в руках важно кивнул. Аудиенция начиналась.

Посреди небольшой овальной комнаты, на возвышении, стоял один из Малых тронов. Именно на нем сейчас и восседал король Испании и ее провинций, защитник веры и прочая, и прочая, и прочая.

Справившийся с собой арестованный умудрился зайти в залу довольно твердым шагом, неожиданно изящно поклонился и замер, ожидая разрешения выпрямиться. Инквизитор поклонился куда менее низко, тут же скользнул к стене и почти слился с нею.

– Хватит, Магистр, – голос Его Величества оказался сухим и надтреснутым: король был уже далеко не молод, – наш разговор будет кратким, у нас есть дела поважнее.

Арестованный выпрямился. Теперь он выглядел более спокойным. Он молчал.

– Нам стало известно, что ты весьма искушен в искусстве алхимии, – слова короля падали подобно молоту.

– Так и есть, Ваше Величество, – поклонился арестованный, – но есть и более сведущие в сем древнем, и осмелюсь заметить, разрешенном Святой Церковью искусстве.

Тень инквизитора у стены шевельнулась.

– Не буду тебя разубеждать, скажу только, что Церковь считает иначе. И если бы не мое вмешательство, то в самом ближайшем времени тебе, Альфредо, пришлось бы ближе познакомиться с гостеприимством Ордена Иисуса, здесь, в Мадриде, – ни один мускул не дрогнул на королевском лице. – Ты подозреваешься в колдовстве. Заметь – пока только подозреваешься. Теперь на тебя ляжет тяжкая обязанность доказать свою преданность Короне и Церкви.

– Каким образом я смогу это сделать, Ваше Величество? – спросил арестованный, видя, что король пока не собирается продолжать.

– Ты получишь лучшую лабораторию в просвещенном мире и узнаешь секреты того, что я скажу. В противном случае ты докажешь, что являешься врагом Церкви, а значит, и нашим врагом.

Побледневший алхимик подумал несколько секунд.

– Я приложу максимум усилий, Ваше Величество!

– Хорошо, – король кивнул распорядителю.

Из боковой незаметной двери появился слуга, тащивший что-то, накрытое узорчатой материей. Инквизитор у стены перекрестился.

Второй слуга выкатил на середину комнаты небольшой столик, инкрустированный перламутром.

– Как мы узнали доподлинно, эта вещь способна исполнять желания. Ты должен узнать – как. И помни, за тобой будут следить непрестанно. Срок у тебя – год.

Алхимик неотрывно смотрел на столик. На нем лежала большая, сантиметров пятьдесят на пятьдесят, довольно толстая доска из темного дерева. По ее поверхности, сплетаясь, змеились желоба, как будто выточенные гигантским древоточцем; они пересекались, образуя сложный и непонятный узор. В желобах кое-где таинственно мерцали вставленные туда неправильной формы камня.

– Стража проводит тебя.

Распорядитель ударил жезлом об пол. Аудиенция закончилась.

Глава I

Бабкино наследство

– Неплохой город, пап, только холодно здесь, – я поковырял вилкой остывающее пюре. Отец осуждающе посмотрел на мою тарелку, потом на меня.

– Ты знаешь, – заметил он, – это тот самый случай, когда я сделать ничего не могу. Конечно, у нас теплее, но и здесь летом неплохо.

Вообще-то мы переехали сюда из Волгограда две недели назад и по-прежнему называли старую квартиру «у нас».

– Антон! Ешь давай! Ждешь, пока остынет?

Я опомнился и медленно понес вилку ко рту. Во дворе весь день вертелась какая-то собачонка. Интересно, она любит холодное картофельное пюре?

– Вообще-то я уже напробовався, пап! – сказал я чистую правду, потому что готовил ужин я. По-моему, получилось неплохо, правда, очень много.

Отец промолчал. Он всегда так, когда что-то ему о матери напоминает. Сколько себя помню, они ссорились, а два года назад она ушла от нас. Вот так вот. С тех пор мы о ней не слышали. И когда умерла бабка Клава и оставила нам свой дом в Пскове, то мы решили, что лучше переехать сюда. Оказывается, филиал отцовской фирмы был и здесь, поэтому мы ничего не теряли, кроме пары моих школьных приятелей и плохого настроения по вечерам. И теперь уже третью неделю пытаемся устроиться на новом месте.

– Ладно, сын. За компьютером дольше двенадцати не сидеть. Ну а послезавтра едем знакомиться с твоей новой школой.

– А кто мебель расставлять будет? – резонно спросил я. – Учиться три недели осталось, восьмое мая уже. Может, ну ее, школу?

– Есть такое слово – надо. Перед смертью не надышишься! – сказал отец. – Все, я спать пошел, это у тебя энергии навалом, а нам, старикам, нужно много спать.

Посмотрев, как отец идет к себе в комнату, а их в этом доме целых пять, не считая мансарды под крышей, я по темному коридору – лампочек нам не везде хватило – пошел к себе. У меня и раньше была своя комната, в нашей старой двухкомнатной квартире. В первый же день, как мы сюда приехали и отец открыл порядком заржавевший замок, этот дом мне понравился до чрезвычайности. Он и снаружи был неплох – хорошо сохранившийся старый кирпичный дом под крашеной крышей из металлических листов. Но внутри было столько запутанных таинственных переходов! На кухне стояла огромная старинная плита, переделанная под газ, и висела на стенах посуда, которую можно увидеть разве что в кино – сковороды с длинными ручками, какие-то черпаки и большой медный таз. Снаружи отдельный ход вел в подвал, где по углам еще хранились кучки угля. В комнатах была пара неподъемных на вид пустых шкафов и виднелись невыгоревшие пятна на обоях – вещи бабка Клава завещала другим родственникам. Что уж совсем было удивительно, в доме отсутствовало центральное отопление – его заменяла огромная печь, топившаяся газом.

Вообще-то бабка Клава мне приходилась двоюродной бабкой, а отцу – теткой, она была родной сестрой его матери. Я никогда не бывал здесь, даже летом на каникулах. Когда я попытался расспросить отца о ней, он сказал только, что она почти не общается с родственниками. Кстати, потом отец обмолвился, что бабка права, как ему иногда кажется.

Для себя я выбрал маленькую угловую комнату – в ней было два окна и почти весь день сюда заглядывало солнце. А когда я сижу за компьютером, то их можно и занавесить. Уж не знаю, как бабка жила здесь одна, – дом все-таки очень большой.

Только к началу второй недели, когда я уже немного знал ближние улицы, я заметил странную вещь. Домов, таких, как наш, в Пскове много, а окраинные улицы, похожие на нашу, Вязовую, почти целиком состоят из них. Обычно они лепятся друг к другу плотно, только чтобы оставался проход во внутренний двор, если он есть. Наш новый дом и тут оказался каким-то особенным. Расстояние между ним и соседними домами было метра по три с каждой стороны, так что получалось что-то вроде сада. В нем росла старая яблоня, несколько вишен, на которых уже зеленели молодые листья, и куча сухих сорняков. Еще сзади дома находился старый покосившийся сарай, заваленный обломками старой мебели и соломой. В общем, много интересного, вот только времени все это осмотреть по-настоящему пока не было. Переезд у нас затягивался, мы даже еще мебель не всю расставили.

Я добрался, наконец, до своей комнаты и включил компьютер. В приоткрытое окно залетал прохладный ветер – ночи пока еще холодные, а уже середина мая! Вот эта перемена мне совсем не нравилась. У нас в Волгограде некоторые ненормальные уже в это время купались. Я, например, купался! А тут хорошо если к середине июля потеплеет.

Монитор прогрелся и тут же напомнил о еще одной потерянной радости. В этом доме не было телефона, а значит, Интернет для меня теперь закрыт. Хотя и редко я общался со знакомыми по Сети, но мне уже их начинало не хватать.

Что там отец сказал? До двенадцати? Он у меня вообще-то ничего, молодец. Жить позволяет и помочь может. Вот только на работе почти все время. В восемь туда, в семь оттуда. Даже здесь его через неделю на работу вызвали, не могли потерпеть, пока мы устроимся! А ему даже нравится. Грустно, что и говорить.

С этим, к сожалению, я не мог ничего сделать, так что оставалось только философски пожать плечами.

Любопытно, что это за школа, в которую меня отец определить собрался? Раньше я учился в классе, где упор делали на физику. А здесь, интересно, такие классы есть? А то привык как-то, скучно без моего родного Квадрата. Так мы прозвали нашего классного, учителя физики. Фигура у него была квадратная почти – что вдоль, что поперек, что в толщину. Вообще-то его кубом надо было бы звать, но как прижилось – Квадрат, так и пошло.

А на следующий день, к обеду, я ждал отца. Он еще утром пообещал вырваться и съездить со мной в мою новую школу. На обед я сварил борщ. Это я умею и люблю – готовить. Недавно в кулинарной книге прочитал, что лучшие повара из мужчин получают. По-моему, правильно. Это почти так же интересно, как химические опыты, только результаты еще и есть можно. Почти всегда.

Прождав почти до двух, я понял, что дело плохо, и отца я увижу только вечером. Поэтому поставил кастрюлю с борщом на плиту, остывать, запер дверь и пошел гулять.

Сегодня наконец утих холодный северный ветер, и солнце грело почти как летом. Бродить по улицам почему-то не хотелось, а где здешняя река, я пока не знал. Отец говорил, что она здесь есть, и даже вроде недалеко. Поэтому, посидев на скамейке перед домом минут двадцать и насмотревшись на двух старушек напротив, сидевших почти на такой же скамейке и поглядывавших на меня, я решил хорошенько осмотреть сарай.

После часа интенсивных раскопок я стал обладателем: латунного литого набалдашника, наверное, от кровати, с куском латунного прута, нескольких четырехгранных кованых гвоздей, по-моему, медных, очень красивого треснувшего стеклянного абажура из цветного стекла и еще кучи ненужных, но любопытных вещей. Больше всего было разломанной на части мебели: гнутые потемневшие ножки от стульев, куски спинок и даже одно почти целое плетеное кресло.

«В такой куче баракла обязательно должны водиться крысы!» – подумал я. Словно в подтверждение моих мыслей я заметил на досках, настеленных под потолком, спокойно сидящего кота. Он равнодушно смотрел на мои раскопки. Наверное, поджидал испуганных моей возней крыс.

– Кис, кис, – без особой надежды сказал я ему. Кот производил впечатление отъявленного злодея. Здоровенный, с гладкой буро-черной шерстью и ярко-желтыми глазами, он устроился на досках, обернув ноги хвостом, и сонно смотрел на меня, только уши слегка шевельнулись. Слезать ко мне он не стал.

Больше не обращая на него внимания, я продолжил свое занятие. Теперь я решил раскидать большую кучу соломы в углу и посмотреть, не валяется ли в ее глубине что-нибудь интересное. Интересного пока не попадалось, но я продолжал раскопки. Когда куча уменьшилась уже почти на две трети, мне послышалась какая-то возня и писк.

Когда я оглянулся, то в широком солнечном луче, прорвавшемся сквозь дырявую крышу, снова увидел кота. На этот раз он задумчиво вылизывал лапу, а рядом с ним лежала большая серая крыса. Судя по тому, что она не двигалась, скорее всего мертвая.

– Ну ты здоров! – одобрительно сказал я.

Кот перестал умываться, неторопливо подошел ко мне и потерся об ногу. Пришлось почесать его за ухом. Потом он направился к своей добыче и потащил ее куда-то из сарая. Крысиный голый хвост волочился по соломе, и выглядело это неприятно. Пожелав коту всего хорошего, я присмотрелся к цепи, неожиданно обнаружившейся на полу. Один ее конец, тот, который я нашел, был приклепан к доскам пола, второй уходил в солому. Когда я ее дернул, что-то в куче легко подалось, и показался железный крюк, которым оканчивалась цепь. Довольно большой и массивный, он не представлял собой ничего интересного. Вот тут-то я и увидел на гвозде, рядом с дверным косяком, большое кольцо, а на нем висел старый ржавый ключ. Он пачкал руки рыжим и черным. Вырезы затейливой бородки были забиты каким-то налетом.

Чтобы получше его рассмотреть, я вышел из сарая. На свежем воздухе было тепло и пахло молодой листвой. Бабки на скамейке напротив никуда не ушли, наверное, собирались просидеть так целый день. Запихав ключ в карман куртки, я снова уселся на скамейку и минут через десять обнаружил сидящего рядом кота. Он устроился рядом и, не мигая, смотрел на бабулек напротив. Похоже, ему понравилось мое общество.

– Как тебя зовут-то? – спросил я его. Если бы он сейчас ответил, я бы, наверное, не удивился. Только он промолчал.

– Есть хочешь? – задал я более важный вопрос. При слове «есть» он уже соизволил на меня посмотреть. Похоже, хочет.

– Тогда пошли! – И я поплелся к двери, пиная мелкие камешки и ветки.

Когда я открывал дверь, кот каким-то мистическим образом уже оказался рядом, и внутрь мы вошли вместе. Он поднял хвост трубой и направился напрямиком к кухне. Тут меня осенило – это же кот бабки Клавды! Тогда он точно все здесь знает.

– Могу предложить борща, только он холодный, – кот ходил у моих ног кругами.

– Ну, смотри! – Я отыскал небольшую миску и щедро налил туда борща. Кот осторожно понюхал и, поколебавшись немного, начал есть.

– Не ядовитое, – серьезно сказал я в пространство и пошел спросить бабок-наблюдательниц, может, они знают, как его зовут, не звать же его просто котом.

Бабки прямо-таки впились в меня взглядом, как только я вышел из дома. А уж когда я напрямиком подошел к ним, и вовсе раскрыли рты.

– Здравствуйте.

– Здравствуйте! – опомнилась одна из бабок, та, что потолще. Вторая, в цветном платке, продолжала просто глазеть на меня.

– Мы недавно сюда переехали, здесь раньше моя бабушка двоюродная жила, Клавдия Никитична. Вы ведь знали ее? – я решил взять быка за рога.

– Конечно, знали. Соседи, чай! – солидно кивнула полная, сообразив, что я по делу. – Так это она вам дом-то оставила? – И толкнула в бок соседку – вот, мол, потеха.

– Нам с отцом, – подтвердил я. Не нравились они мне. И бабушку Клавю, похоже, они не любили.

– У нее кот был, вы не помните, как его звали?

– Был, был. Только зря вы эту скотину в дом пускаете, он и молоко ворует, и птичек жрет. Вот помню... – оживилась толстуха.

– А как звать его, не помните, наверное, – грустно сказал я. Толстуха растрогалась.

– Да Уголь его кличут, Клавдия Никитишна, царствие ей небесное, уж года четыре как его завела. Только как ни воспитывала, все без толку. Лазит везде, озорует.

– А он сегодня крысу поймал! Вот такую! – решил я защитить свое приобретение и показал размеры крысы.

Бабушки брезгливо поморщились.

– Это он может, – неохотно признала толстуха, – первый крысолов на улице.

– Меня Антон зовут, – представился я, как будто только сейчас вспомнив о хороших манерах, – спасибо вам большое!

Толстую бабушку звали Верой, а молчаливую, в платке, – Ольгой Афанасьевной. Попрощавшись с ними, я вернулся домой. Ясное дело, бабушки бы еще поболтать не отказались, где-нибудь до вечера, вот только неинтересные они.

Кота по имени Уголь на кухне не оказалось. Вылизанная досуха миска из-под борща стояла рядом с холодильником и льстила моему самолюбию повара. Поискав кота по дому, я понял, что этот бабкин питомец не иначе как умеет просачиваться сквозь стены. Его не было нигде. Это было очень странно, если учесть, что двери и окна были все закрыты. Может, под кроватью где-нибудь сидит? Хотя нет, не производит кот Уголь такого впечатления. Просто ушел по делам.

Тут до меня наконец дошло, что уже половина пятого, и я голоден как волк.

После того, как я поел, помыл посуду и слегка отчистился от остатков соломы, можно было заняться делами. Например, засесть за компьютер. Что я и сделал, и на полтора часа выпал из реальности.

Тем временем на улице послышался шум подъезжающей машины: похоже, приехал отец. Точно, наш порядком потрепанный «жигуленок» уже стоял около дома, а отец, одной рукой удерживая какой-то сверток, второй открывал дверь.

– Привет, пап! – я прикрыл дверь в подвал.

– Привет, привет! – откликнулся он, стоя на пороге. – Открой-ка мне.

Я подошел и придержал перед ним дверь.

– Спасибо! Пошли, что ли.

– Пап, – сказал я ему в спину, – а ты с бабушкой Клавой был близко знаком?

– Как тебе сказать, – он с грохотом сгрузил сверток на стол в прихожей, – я у нее в гостях был три раза за всю жизнь. Первые два – когда мне еще четырнадцати не было, а еще раз три года назад. А что это она тебя так заинтересовала?

– Я тут с местными бабульками познакомился, – издали начал я. – Похоже, не любили они ее.

– Ну, ее и родственники недолюбливали, если честно. А мне она не то чтобы нравилась – интересовала, – отец снял свое черное длинное пальто и остановился в задумчивости.

– Расскажи поподробнее, – попросил я.

– Да я толком ничего и не помню почти. Вообще она очень прямым человеком была и честным. Знаешь выражение – как кремь, вот это, по-моему, про нее. Всегда правду в глаза говорила. Всем, – отец улыбнулся каким-то своим воспоминаниям и даже покрутил головой. – А пойдем-ка пока что-нибудь на зуб положим, а то на пустой желудок вспоминается плохо.

В кухне он с интересом покосился на пустую миску на полу, но ничего не сказал. Он вообще-то мировой парень, мой отец.

Я поставил кастрюлю с борщом на плиту, зажег газ и уселся напротив него за стол.

– Сейчас все будет, ты про бабушку Клаву дорасскажи.

– Ее, помнится, кем-то типа ведьмы считали. Боялись даже. Вроде как могла она судьбу предсказывать или еще что-то. Приходили иногда, шептались с ней в ее комнате – она самая дальняя здесь, та, что с дубовым комодом. Я у нее гостил всего недели две с половиной в общей сложности и видел двоих, которые к ней приходили. Со мной она не откровенничала никогда и воспитывать не пыталась, а мне от нее ничего больше и не надо было.

Борщ уже кипел, и мы прервались на еду. Потом немного поиграли на компьютере в автогонки. Завтра отец был свободен, он специально взял отгул для того, чтобы съездить со мной в школу, поэтому мы не торопились.

Уже перед сном я пошел еще раз поискать по дому кота и обнаружил его в бабушкиной комнате, на комодке. Он немного поглазнул на меня сверху своими глазами-прожекторами и пошел спать у меня на кровати. Странно, но вот уже третью неделю я не видел ни одного сна. Совсем.

Глава II

Новая школа

Утром мы все втроем пошли позавтракать, причем Уголь хозяйской походкой сразу подошел к вчерашней миске, наверное, считая ее уже своей. На отца он покосился недоверчиво, но погладить себя дал.

– Странно, что он вернулся, – сказал отец, поджаривая яичницу, – мне казалось, что коты обычно уходят из дома, когда хозяева исчезают.

Уголь никуда исчезать не собирался, с вождением следя за приготовлением еды.

– Он вчера крысу поймал – вот такую! – для убедительности показал я руками. Крыса получилась с поросенка. Не то чтобы я беспокоился, что отец его выгонит, а просто на всякий случай. Подстраховаться не помешает.

– Я его у бабки Клавды еще котенком видел, – отец ловко раскладывал по тарелкам яичницу-глазунью, – тощий, как велосипед, вечно носится как угорелый, птиц всех в саду переловил, сплошная головная боль, словом.

Надменно смотревший на нас Уголь тоже получил свою порцию и с достоинством приступил к еде.

– Не думал, что такая зверюга вымахает, – закончил отец.

Через час мы уже сидели в машине. Отец уверенно вел ее куда-то к центру, где я еще не бывал.

Как выяснилось по дороге, специализированного физического класса в школе не было, а были химический и математический. Так что у меня был выбор. Сегодня мы собирались посмотреть и тот, и этот. Дело сильно облегчалось тем, что до каникул оставалось чуть больше двух недель, а все, что мне нужно было сдать, я сдал еще в своей школе, – мне разрешили это из-за переезда. Вообще-то было неуютно. Я плохо схожусь с новыми людьми, в старой школе у меня друзей считай и не было. Приятели были, но не друзья.

Тем временем мы уже прибыли. Ехали мы минут десять всего, к тому же неторопливо. Значит, ходьбы досюда минут двадцать, не больше.

Трехэтажное кирпичное здание, около которого мы остановились, было интересно по двум причинам. Для начала – оно было большое. То есть действительно большое – не меньше ста метров в длину, да еще в три этажа. А второе – это огромные окна, занимающие почти весь фасад, в которых отражалось утреннее солнце.

Перед школой было что-то вроде небольшого скверика с несколькими старыми деревьями. Сбоку, на спортплощадке, здоровенный дядька в тренировочном костюме гонял баскетболистов, и несколько старшеклассников курили, скрываясь за углом. Больше никого не было видно. Солнце пригревало все сильнее, и несколько окон было уже открыто.

Из приоткрытого окна первого этажа доносился ровный женский голос, произносящий иностранные слова. Судя по всему, это был кабинет английского.

Внутри школа оказалась прохладной и тихой. Пахло мокрым полом и еще чем-то. Мальчишка-дежурный, мокрой шваброй разгонявший по полу воду, при нашем появлении заработал ею быстрее.

Пара дежурных старшеклассников не обратила на нас внимания, они болтали друг с другом. В конце коридора кто-то пробежал. Наверное, отпросился в важное место по неотложным делам.

В общем, все совсем как у нас. Я перестал нервничать и двинулся вслед за уверенно идущим отцом. Он остановился перед кабинетом с табличкой «Директор». Кроме нас, здесь

еще находился какой-то верзила, наверное, из старшеклассников, с очень невеселым лицом. При виде нас он заметно приободрился. Наверное, расправа откладывалась.

В дверях показалась средних лет плотная женщина с сердитым лицом.

– Гислер!.. – начала она, глядя на верзилу, и осеклась, увидев нас.

– Здравствуйте, Николай Борисович, – поздоровалась она с отцом, устало улыбнувшись. –

А ты, Гислер, подождешь здесь!

На лице верзилы появилось выражение типа «ну и не очень-то хотелось».

– Так это ваш сын? – спросила женщина, и, не дожидаясь подтверждения, продолжила:

– Заходите, пожалуйста.

И мы прошли за ней в кабинет. Внутри стоял массивный стол, окно было приоткрыто, но все равно припахивало табачным дымом. Похоже, директриса курила.

– Меня зовут Зоя Александровна, я директор этой школы, – обратилась она ко мне. – Присаживайтесь, пожалуйста.

И села в кресло за столом.

– Мы с вами говорили о том, в какой класс направить Антона, – начал отец. – Нам с сыном хотелось бы познакомиться и с химическим, и с математическим классами.

– Конечно, – кивнула Зоя Александровна, – и даже обязательно. Большинство проблем с учебой как раз и происходят из-за неправильного выбора доминирующего предмета.

В подтверждение своих слов она рубанула ладонью воздух. И вообще, она производила впечатление очень энергичной и решительной женщины. Я начинал понимать, чего боится этот верзила в коридоре.

– Так что я с вами схожу и туда, и туда, – закончила она, – вот только посмотрим по расписанию, где они сейчас.

Поднялась с кресла и бодро направилась в коридор. Здоровяк так и подпирал стену и с тоской смотрел на нас.

Директорша прошла мимо, не обратив на него внимания. В глубине коридора, чуть подальше, обнаружился огромный щит с расписанием занятий. Она достала из нагрудного кармана очки и начала выискивать что-то в строчках расписания.

– А, вот. Нам сначала на второй этаж, в тридцать четвертый кабинет, а потом в пятьдесят второй.

Тридцать четвертый кабинет оказался химическим. Я понял, что мне повезло, – я сразу попал на урок по главному предмету, к тому же его вела классная руководительница.

Ее, как оказалось, звали Лидия Васильевна, и директор меня тут же сдала ей на руки, пообещав завтра сводить и на урок в параллельном, математическом классе.

Пока учителя о чем-то вполголоса разговаривали, я рассматривал своих потенциальных одноклассников.

Двадцать три пары глаз (это я уже потом узнал) тоже изучали меня с любопытством. Ну, красавчиком меня не назовешь. Рост средний, волосы темно-русые, худощавый. Да, глаза еще серые, маминь. Так что смотрите, смотрите, а я тоже в долгу не останусь. Мой прошлый класс был на удивление высоким для своего возраста – я со своим ростом (а во мне метр семьдесят два) на физкультуре стоял где-то в середине. Здесь, похоже, буду поближе к началу строя, правда, сидят все, трудно разобрать.

За первыми тремя столами, понятное дело, отличники – другие сюда вряд ли сядут. Эти уже насмотрелись на новенького и поглядывают на учительницу, ожидая ее с явным нетерпением. На столах штативы с закрепленными колбами, горелки под ними уже зажжены, в одинаковых рядах пробирок разноцветные жидкости. Похоже, я попал прямиком на практическую работу. Что-то всем не терпится, да я и сам бы с удовольствием поучаствовал. В задних рядах, как всегда, веселятся, но тихо, стараясь не привлекать к себе внимания.

Мне на плечо легла рука.

– Это Антон Красильников, прошу любить и жаловать! – над самым моим ухом раздался низкий приятный голос учительницы. Обернувшись, я увидел, как отец показал тайком мне большой палец и вышел вслед за директором.

– Антон первый раз не только у нас в школе, но и вообще недавно переехал в Псков, так что постарайтесь произвести хорошее впечатление. Я сказала, произвести хорошее впечатление, а не выйти немедленно за него замуж, Кирсанова.

Кудрявая блондинка за второй партой залилась краской и спрятала тюбик губной помады, который показывала соседке.

Класс захохотал.

– Так, с расшаркиваниями закончили, теперь будем думать, куда тебя посадить. Синев и Лоза, вы дежурные?

Маленький, наверное, самый маленький мальчишка с заднего стола и одна из девчонок кивнули.

– Еще один штатив за последний стол, реактивы я сейчас приготовлю. Придется тебе у дальней стены, с Менделеевым посидеть.

Дальнюю стену, действительно, украшал большой портрет Менделеева.

– Хорошо, – я спокойно кивнул и пошел усаживаться. Тетрадка с ручкой у меня были, к тому же мне придется делать все в одиночку, а я это очень люблю.

Синев, пытаясь, притащил здоровенный штатив, чуть ли не выше его самого, а высокая и угловатая Лоза – спиртовую горелку.

Странно, но хотя за соседним столом никто не сидел, на нем стоял такой же набор. А на спинке стула висела потрепанная сумка с надписью «Adidas».

Класс возбужденно загомонил – учительница вышла в маленькую дверь, за которой скорее всего хранились химреактивы.

Ко мне тут же повернулся коротко, почти под ноль стриженный мальчишка с предпоследней парты.

– Меня Максим зовут! А ты откуда к нам переехал?

– Из Волгограда.

– Ух ты, далековато, – глубокомысленно заметил он. К нам повернулось несколько любопытствующих.

– Двое суток на машине добирались, – солидно кивнул я.

– А здесь где живешь?

– На Вязовой, где дома старые.

– Там все старые. Скоро там все перестраивать будут. – В этот момент он старательно пытался выглядеть взрослым, но его тут же хлопнули тетрадкой по макушке.

– У него отец – архитектор, вот он и выпендривается, – пояснила его соседка, кладя тетрадку на стол. – А что ты к нам перед самыми каникулами? Учиться неделю осталось.

– Десять дней! – влез Максим, чем-то жутко довольный.

– А меня и не спросили, когда переезжать. Приехали, как только у отца время появилось.

С появлением Лидии Васильевны сразу прекратились разговоры, а головы учеников повернулись к доске. Учительница прошла между рядов и поставила мне на стол набор пробирок.

В это время в дверь постучали, и на пороге класса появился уже знакомый мне верзила – выше меня почти на голову, честное слово.

– Можно, Лидия Васильевна? – тихо и просительно сказал он. Впрочем, его лицо было сложно назвать полным раскаяния, скорее на нем читались непрошибаемое упрямство и уверенность в своих силах.

– А, Гислер. Ну что тебе сказал директор?

– Три дня уборки территории! – гордо ответил тот.

– Эх ты, хвост распустил. Петух индейский! Такие вещи кулаками не решают! Кулаки вообще редко что решают. Садись давай.

Очень странно, но не похоже было, чтобы она на него сердилась. Тогда что это он к директору загремел?

Гислер направился к последнему ряду и уселся за соседний стол. Так вот чья это сумка!

– Возвращение блудного попугая! – довольно громко пробормотали за столом, стоящим прямо перед ним. А зря, потому что руки у него оказались длинные и прекрасно доставали до затылка говорившего. В классе рассмеялись. Я сохранил серьезное выражение лица. Не люблю делать выводы, когда ничего не знаю.

И правильно. Потому что через секунду поймал угрожающий взгляд верзилы. Я ему, похоже, не нравился. Я спокойно и безразлично посмотрел на него. Мне он тоже не очень-то нравился.

Потом началась практическая работа. Лидия Васильевна вела ее просто здорово – захватывающе и живо. Пожалуй, я не против такого классного руководителя. В общем, всем было интересно. Даже Гислер, хоть и выглядел принципиальным троечником, прилежно смешивал реактивы, подогревал их в колбе и улыбался до ушей, когда реакция у него получилась лучше всех.

Когда прозвенел звонок, у всех были такие лица, как будто его не ожидал никто. Урок закончился. Занятия на сегодня тоже.

Лидия Васильевна помахала мне рукой:

– Красильников, задержись на несколько минут!

Я, конечно, задержался. Сейчас, в опустевшем кабинете, она выглядела более старой и усталой, чем на уроке.

Мы поговорили о моем бывшем классе и о том, почему я выбрал именно физику. Я честно сказал, что предпочитаю прикладные науки. Она, похоже, удивилась, что я знаю это название – прикладные, но удовлетворенно кивнула. Спросила еще, почему моя мама не пришла сегодня. Узнав, что я живу с отцом, она слегка помрачнела и сказала, что было бы неплохо, если бы я остался в ее классе, тем более что вести она его будет до самого выпуска. Я ответил, что скорее всего так и получится. На этом мы распрощались.

У выхода из школы по-прежнему дежурили старшеклассники, только уже другие. Солнце на улице жарило вовсю, так что пришлось снять свитер. Так здорово, когда лето близко! Сейчас на площадке перед школой было совсем хорошо. Наверное, поэтому народ не спешил расходиться, а еще бурлил здесь, как водоворот.

Несколько групп школьников обсуждали какие-то общие дела, а у спортплощадки собиралась кучка с явной целью ее оккупировать.

Тут я почувствовал чей-то взгляд. Знаете, наверное, как это бывает – очень неприятное ощущение. Ко мне направлялся Гислер. В паре шагов он остановился, презрительно осмотрел меня с головы до ног.

– Пойдем, новенький, – наконец процедил он, – постучим мячами!

Я тоже осмотрел его. Подумал, глядя на небо.

– Пойдем, – наконец решил я.

Он улыбнулся неприятно и зашагал на своих ходулях к площадке. Там его встретили с восторгом, а на меня покосились недоуменно – кто это такой?

Кто-то кинул ему баскетбольный мяч.

– Давай, Юрка!

– Значит, так, играем до двадцати очков. Зоны-то знаешь?

Я молча кивнул и повесил сумку со свитером на вкопанные рядом металлические брусья.

– Давай, – кинул он мне мяч, – ты начинаешь!

Бросал он при этом метров с трех с половиной, да еще и встал после этого красиво, так что времени прицелиться и положить мяч в корзину из трехочковой зоны мне хватило.

Болельщики загудели, у Гислера отвисла челюсть. Не ожидал. Вот так-то, знай наших!

А вообще-то некогда – вон он мяч подобрал. Как говорил наш тренер, нужно к ведущему мяч прилипнуть и не отпускать. И не нужно стараться отобрать мяч любой ценой – просто приклейся к нему и рано или поздно он откроется. Вот, например, как сейчас Гислер – под корзиной. Я у него мяч ненавязчиво так отберу и с доворота в корзину. Хорошо лег!

– Четыре-ноль! – неверяще произнес кто-то в толпе.

Судя по всему, Гислер перестал меня недооценивать и заиграл всерьез. Как сказал бы тренер, – высокий класс. Мне очень понравилось. Особенно хорошо ему давались обводки и только чуть хуже – отбор мяча. Правильно – вон грабли какие длиннющие отрастил! Ну, я тоже не лыком шит, а что ростом меньше – так мне и лучше, я у него на прокрутах время почти всегда выигрываю. В общем, поддался я. Слегка. На одно очко его вперед отпустил.

Отдышались мы, пыльные, потные. Ребята вокруг шумят, норовят по плечам хлопать.

Вон у Гислера рожа до сих пор изумленная – в себя прийти не может. Отдышался, заговорил.

– Ты где играть учился?

– В Волгограде, в секции своей! – часто дыша, ответил я.

– Здоров! – в его взгляде я прочитал искреннее уважение. – Давай к нам в команду, а то скоро с сорок второй играть, так это бы круто было!

– Ну, может быть, – пожал я плечами. – А кто вас тренирует?

– Леонидов, он три года в сборной Союза играл! Теперь вот у нас ведет секцию.

Мяч тем временем у нас отобрали. И правильно, крутость крутостью, а поиграть все равно хочется. Гислер подумал о чем-то, морща лоб, потом протянул руку:

– Юра.

– Антон, – пожал я ее. Прикладной урок психологии закончен, счет один-ноль в мою пользу.

Отец, кстати, меня ждал – вон стоит около машины, курит. Мы потихоньку дошли до него.

– Юра, не мое, конечно, дело... А за что тебя к директору-то? Это ведь не Лидия Васильевна.

– Да, – спокойно кивнул Гислер, – тетя Лида у нас мировая. А за что – вот к нам в команду пойдешь, расскажу. А пока счастливо, мне бежать пора!

– Пока, – машинально ответил я. Вот это здоровяк! Не ожидал от него! Один-один.

Отец посмотрел ему вслед.

– Уже приятелей завел? Быстро, однако. Молодец.

– Пап, а ты не покажешь мне, где здесь река есть, а то без воды скучно очень. У нас уже купаются, наверное.

– Только сумасшедшие вроде тебя! – улыбнулся отец и полез в машину. – Ладно, время у нас есть, поехали!

За двадцать минут мы доехали до места. Речушка была так себе – двадцатая часть Волги, но на ее песчаных откосах уже некоторые пытались загорать. Река прорезала самую окраину города, примерно полчаса ходу от дома. Вода, правда, была еще пока не просто холодная, а ледяная, но так хотелось окунуться, что мне даже удалось подбить на это и отца тоже.

Воя как резаные, мы ринулись в воду, чтобы тут же пулей вылететь на берег. Хотелось посидеть на солнышке, вот только вытереться было нечем, и пришлось срочно двигать домой. Когда мы, торопясь, залезли в машину, зуб на зуб если и попадал, то случайно. В целом день получился неожиданно неплохим.

Глава III

Дверь в стене

Больше всего этим вечером мне хотелось узнать, как удастся нашему свежеприобретенному коту ускользнуть из запертого дома. Потратив на его поиски чуть ли не час, я убедился, что внутри его нет, а утром с нами он выходить не пожелал. Последний вариант – что он сидит где-нибудь на шкафу в бабкиной комнате. Я туда не заглядывал, потому что поленился тащить стул – кроме шкафа, в комнате ничего не было. Вообще, эта комната выглядела самой загадочной в доме, потому что единственное в ней окно целиком закрывала старая яблоня.

В сумерках здесь было жутковато и мрачно. Голые стены, оклеенные обоями в цветочек, смотрелись темно и уныло. Вот под страхом смертной казни не согласился бы, чтобы такие были в моей комнате! Свихнешься в два счета.

Я осторожно приставил к шкафу табурет и забрался на него. Табурет угрожающе закрипел, закричал и даже вроде бы слегка покосился, но выдержал.

На шкафу было пусто, темно и пыльно. Валялась какая-то скомканная конфетная обертка. Больше ничего интересного здесь не было, за исключением отпечатков кошачьих лап. Они в количестве двух цепочек пересекали верхнюю крышку шкафа и исчезали в темной широкой щели за ним. Похоже, что этот дощатый гроб прикрывал какую-то нишу в стене.

Это что же получается, там дыра в стене, что ли?

Я слез с табурета и попытался заглянуть под шкаф. Глухо. У него не было ножек, он просто стоял на полу.

– Уголь! – тихо и без особой надежды позвал я. Если он и сидел где-то за шкафом, то отзываться не спешил.

Ну, любопытен я, каюсь.

Я попытался было отодвинуть шкаф в сторону. С тем же успехом можно было двигать стену. Он не сдвинулся ни на миллиметр. Прибит он, что ли, к полу?

После еще трех попыток я решил попробовать сдвинуть его ломом. Завтра. А на сегодня мне физических упражнений и так хватило.

А ночью мне приснилась моя двоюродная бабка Клавдия. И видел-то я ее всего один раз, на фотографии, и почти не запомнил, а она все-таки приснилась. Высокая, прямая, как шест, старуха в кухонном переднике и с огромной поварешкой в руке. Похоже, она что-то готовила. Рядом с ней, на столе, сидел до чертиков знакомый кот и таращился на меня желтыми глазами. Только и запомнилось, как они на меня смотрели – старуха и кот.

А наутро я уже самостоятельно шел в тридцать девятую школу. Вот уже третий день стояла идеальная весенняя погода, учиться совершенно не хотелось, но в школу я шел с удовольствием.

Во-первых, я не имел ничего против своего нового класса. Про себя я уже решил, что от добра добра не ищут. Во-вторых, мне понравился классный руководитель. И ведет предмет здорово, и человек, похоже, хороший. В-третьих, меня очень интересовал мой новый приятель Гислер. Я даже связывал с ним кое-какие планы на ближайшее будущее.

Первым делом я пошел к кабинету директора. Не откладывая на завтра то, что можно сделать сегодня. Вот хорошо бы всегда так делать!

Несколько ребят, проходивших мимо, посмотрели на меня как на сумасшедшего. Сам, по доброй воле, с утра, в кабинет директора! Я решительно постучал, и когда изнутри разрешили войти, открыл дверь.

– Доброе утро, Зоя Александровна. – поздоровался я, оставаясь неподалеку от двери.

– Доброе утро! – Директор сидела за столом, в комнате пахло табачным дымом еще сильнее, чем вчера. – Ну что, Антон, решил уже, где остаешься?

– Ага, – кивнул я, – пойду в химический.

– Ну и отлично, – сказала она, – значит, я вношу тебя в список, и с сегодняшнего дня ты начинаешь учебу.

– Хорошо. Тогда я пойду, наверное?

– Да, иди. – Она рассеянно достала из стола пачку сигарет, но тут же опомнилась и положила их снова в ящик.

– До свидания! – Я тактично сделал вид, что ничего не заметил, и вышел.

Где тут у нас было расписание? Вот оно! И чем нас сегодня порадают? Четыре урока. Уже хорошо, могло быть и больше. ИностраннЫй, бррр. Не люблю иностраннЫй! Физика, биология, физкультура. Все остальное без вопросов принимается.

ИностраннЫй, кабинет двенадцать. Это должно быть где-то рядом.

В двенадцатом уже сидел почти весь класс. Шумели в меру, не слишком увлекаясь. Гислер со своего последнего стола приветственно помахал мне рукой. Кое-кто даже поздоровался со мной – наверное, те, кто видел вчера нашу игру. Максим, сидевший за столом прямо передо мной, упрасивал соседку перевести ему какое-то предложение. Она гордо отказывалась, а он продолжал канючить. Увидев меня, он оживился и спросил, как у меня с английским. Получив ответ, что где-то между тройкой и четверкой, он снова переключился на соседку.

Кружок из четырех девчонок окружил какую-то русоволосую одноклассницу и о чем-то азартно шептался. Сидевшая в центре выглядела самой спокойной из них. Местная отличница, что ли?

В это время появился преподаватель, и начался урок. К моему удивлению, здесь английский вел мужчина. Опять мне пришлось сначала представляться.

Все прошло лучше, чем я ожидал. Ко мне пока не приставали, а текст, с которым сегодня работали, я бы перевел. Гислер действительно оказался занятым троечником, но, по-моему, из-за лени. Тупым он не выглядел, да и произношение – бич для изучающих английский, у него было приличное. Русоволосая одноклассница, ее звали Ева, как выяснилось, отличницей не была. Ответила на четыре, и от нее большего не ждали. Отличницей оказалась Лоза, все просто заслушались, как она отвечала. Спросили еще двоих, остальные старательно делали вид, что им все равно, их здесь нет, и вообще скоро каникулы. Наверное, учителю и самому хотелось на каникулы, поэтому мы расстались без особых потерь с обеих сторон.

Ну физику с биологией я просто люблю, и с ними проблем не было.

А вот физкультура преподнесла неожиданный сюрприз. Толстый высокий учитель физкультуры почти не обратил внимания на меня. Он почему-то зверем косился на Гислера, а тот его старательно не замечал. Кличка у физрука была подходящая, ее мне Максим сказал – Бульдозер. Это из-за физиономии, надо полагать. Когда мы построились на площадке, он объявил, что у нас сегодня кросс. Забег на три километра для парней и на километр для девочек. Все должны уложиться в норму, иначе придется пересдавать. При этом он почему-то все время косился на Юру. Тот стоял себе прямо и спокойно, кросс его не волновал. Еще бы, с его-то подготовкой.

После старта и отмашки флажком мы побежали, оставив Бульдозера смотреть на секундомер. Бежать особо никто не хотел и не старался. И правильно, такие нормы выполнит и беременная корова. Хотя некоторые наши девочки так не думали и все-таки поторапливались, правда, скорее быстрым шагом. Парни довольно плотной группой трусили вокруг спортплощадки чуть быстрее. Она была приличных размеров – кроме баскетбольной площадки, там еще имелось футбольное поле, правда, уменьшенный вариант, и несколько спортивных снарядов. Турник, брусья.

Так что бежали мы вокруг площадки, солнце жарит, зелень вокруг, под ногами гравий похрустывает – благодать, в общем. Я твердо пристроился в хвост Гислеру: гораздо легче бежится, когда перед тобой чья-то спина маячит. Он бежал молча, а остальные еще и умудрялись болтать на ходу. Максим некоторое время бежал рядом и делился свежими сплетнями, по большей части неинтересными. В конце концов я у него спросил:

– А чего это Бульдозер на Гислера такой злой?

Максим стрельнул глазами в спину Гислера, бежавшего метрах в трех впереди. Тот, похоже, ничего не слышал.

– А у Бульдозера сын есть, на класс старше учится. Я не знаю, в чем там дело было, только Серый с Гислером сцепился и теперь с таким фонарем под глазом ходит – закачаешься. Вот Бульдозер и злится, – Максим закашлялся. – Только, по-моему, тут не Гислер виноват, а то бы его не отправили просто двор убирать.

– Да, – задумчиво ответил я, – директорша у вас умная, похоже.

– Ого! – Максим сжал руку в кулак, энергично ею потряс и снова закашлялся. Наверное, начал уставать.

– Она кремень у нас! – гордо сказал он, наконец откашлявшись. – Чуть что не так, и привет!

Я не ответил, и он потихоньку отстал. А я прибавил хода и поравнялся с Гислером.

– Ты что сегодня после уроков делаешь?

– Территорию убираю! – зло ответил он. – А что?

– Да так, помощь нужна в одном деле, – я продолжал бежать рядом, хотя он прибавил ходу.

– Не получится, – коротко ответил он.

– Давай на спор, – он с интересом покосился на меня, – если я тебя сейчас обойду и первый на финише буду, ты мне поможешь. А если ты меня обгонишь, я тебе помогаю территорию убирать.

Он помолчал.

– Ну как? Спорим?

– Ладно, спорим! Леха, – обратился он к высокому белобрысому парню, бежавшему чуть сзади, – разбей!

Мы, не останавливаясь, сцепили руки, и Леха их разбил ребром ладони.

И мы рванули. Аж ветер в ушах засвистел. Остальные, удивленные таким неожиданным рвением, возбужденно загалдели. За несколько минут мы догнали наших вяло трусивших девочек и по заросшей молодой травой обочине обошли их. Хитрый Гислер попытался было отпустить меня вперед, но добился лишь того, что мы побежали вровень, плечом к плечу. За лидером всегда бежать легче.

Во рту появился несильный кислый привкус. Слишком резко рванули! Ничего, время еще есть, нам целых два круга осталось.

Еще через круг мой противник начал наращивать темп. Он уже тоже дышал тяжело и неровно, только вот ноги у него были куда длиннее моих.

– Но зато и тяжелее! – подбодрил я сам себя и собрался. Если сейчас не выйду вперед, то могу и проиграть!

Вырваться вперед мне удалось только метров за тридцать до учителя с флажком. Он, жутко удивленный нашими успехами, ждал нас со странным выражением лица. Похоже было, что мы разрушили какие-то его планы. Я вихрем пронесся мимо него, за мной с разрывом секунды в полторы – Гислер. Остальных нужно было ждать еще долго, поэтому мы пока отошли в сторону и старались отдышаться.

Только когда сердце перестало колотиться как сумасшедшее и уже не нужно было сплевывать постоянно скапливающуюся во рту слюну, мы снова смогли говорить.

– Ладно, ты выиграл. Только все равно ждать меня придется с час, а может, и больше.

– Ну, если уж ждать, я лучше тебе с уборкой помогу, просто так сидеть ненавижу, – пояснил я удивленному Юре.

– Ну ты даешь! – только и сказал он. Протестовать не стал, и то хорошо.

Тем временем девчонки, наконец, прошли свой законный километр, и мы с интересом смотрели, как они финишируют – четкими группами.

В первой шли несколько, явно из тех, кто старался тянуться по физкультуре. Таких было целых пять. Я не всех еще знал, но среди них были и Света Лоза, и русоволосая Ева. Группа номер два – основная масса пешеходов, которые просто прошли дистанцию, не отвлекаясь на анекдоты. В третьей группе шли те, кто считал, что физические нагрузки вредят красоте. Тут осела и Кирсанова, наша примадонна.

Парни, не слишком вдохновленные нашим подвигом, пришли к финишу позже, хотя и более плотной группой.

В норматив, как ни странно, уложились все, и Бульдозер нас отпустил, злобно зыркнув напоследок на Юру.

После этого мы пошли к завхозу за инструментами. Когда я потребовал себе еще одну метлу, он удивился, но дал. Мы вывели тротуар перед школой. Довольные дежурные курили за углом и издевались.

В конце концов мы вернули метлы и двинулись от школы. Больше здесь делать было нечего, почти все уже разбрелись по домам.

Как выяснилось, Юра жил не так уж и далеко от меня – через две улицы, в относительно новой пятиэтажке. Домой он заходить не стал, сказал, что делать там сейчас нечего, и была бы его воля, он бы вообще только пожрать туда заходил. Я сказал, что не уверен, можно ли его вообще прокормить, но если в холодильнике что-то осталось, то почему бы и не попробовать. Вот так мы шли и упражнялись в остроумии. Он пересказывал школьные истории из жизни теперь и моего класса, а я их комментировал в своей манере – серьезно и коротко. Почему-то получалось смешно, Гислер ржал как сумасшедший.

Как ни странно, я чувствовал себя так, как будто мы давно и хорошо знакомы – с год, не меньше.

– Ничего себе домик! – уважительно присвистнул он, когда мы подошли к нашему дому. – И вы вдвоем здесь живете? Заблудиться же можно.

– Бабка вообще одна жила, – заметил я, открывая дверь.

– Совсем одна? Она у тебя, случаем, не того? – он покрутил пальцем у виска.

– Ну не одна, с котом. А насчет «того» я и не знаю. Она ж мне не родная бабка, двоюродная. Ты проходи давай, надо что-нибудь на зуб положить, а потом я тебя эксплуатировать буду! – угрожающе сказал я.

– Давай, давай, попробуй, – легкомысленно отозвался он, вешая свою сумку на крючок, – пока мало кому удавалось.

В сумке что-то звякнуло.

На кухне я сразу с головой залез в холодильник в поисках чего-нибудь съедобного. Нашлась банка каких-то консервов без этикетки и яйца.

– Ух ты! – послышался возглас Юрки.

Не обращая на это внимания, я осторожно потащил к столу все разом, да еще и прихватил полбанки майонеза.

На полу, рядом со столом, возле пустой миски в ожидающей позе сидел Уголь. На звук открывшегося холодильника, что ли, пришел?

На гостя он смотрел с брезгливой снисходительностью и на его восторженный возглас не прореагировал. Мало ли на свете двуногих? А вот кормят из них не все! Поэтому он подождал, пока я все сгружу на стол, и подошел потереться об ноги.

– Это Уголь, – пояснил я Юре, почесывая кота под подбородком, – бабкин кот. Он позавчера сюда вернулся.

После того, как мы все вместе пообедали, мы наконец пошли в бабкину комнату. Опять все втроем, потому что Уголь шел с нами, подняв хвост трубой и путаясь под ногами.

Несмотря на солнечный день, в бабкиной комнате было сумрачно и холодно. Я показал на гигантский шкаф у стены.

– Надо попробовать его отодвинуть. Один я не смог.

– Да тут бригада грузчиков нужна! Вон какое чудовище! А вы его продайте, он, наверное, жутко старый и стоит дорого.

– Бабка нам, ну, точнее, отцу завещала дом, а мебель еще одним родственникам. Они только два шкафа отсюда и не забрали, так что я думаю, ничего он не стоит, – рассудительно сказал я. – А у меня на его счет подозрения есть. Только я тебе потом о них расскажу, когда отодвинем.

– Ну, давай пробовать, – Юра развел руками, – проиграл так проиграл!

Между шкафом и стеной была небольшая щелка – еле-еле хватило просунуть кончики пальцев. Из щели слегка тянуло холодом – дом упорно не хотел прогреваться, несмотря на постоянно горячую печь и наступающее лето.

Гислер ухватился за шкаф с другой стороны.

– Раз, два – взяли! – скомандовал я, и мы потянули изо всех сил. Уголь, сидевший на полу и с любопытством наблюдавший за нами, спасся бегством с тревожным мяуканьем. Совместными усилиями мы оттащили шкаф почти на метр от стены, он угрожающе накренился, и нам пришлось его удерживать, чтобы он не упал.

Шкаф качнулся обратно и замер. Я отер разом вспотевший лоб.

– Да, если бы он свалился, то лето в больнице нам было бы обеспечено! – заметил Юра.

– Всю жизнь мечтал поваляться в больнице, да еще летом, – усмехнулся я.

– Точно! Трава зеленеет, на улице птички поют, а ты на белых простынках, ручки-ножки на растяжечках, укольчики раза три в день и килограмм таблеток на завтрак! – ядовито перечислил Юра. – Я пас!

– И каждый день трехлитровая клизма! – серьезно добавил я. Он заржал так, что слышно было, наверное, на соседней улице.

Тем временем я заглянул за шкаф и совсем не удивился тому, что там увидел. В таком странном месте все так и должно быть.

– Что здесь? – из-за шкафа появилась довольная и любопытная физиономия Юры.

– Ну и ну, – только и сказал он.

Перед нами в полуметровой стенной нише была дверь. Даже на вид она казалась толстой и мрачной. Металлические полосы, скрывавшие ее, пересекались, образуя клетки, как на шахматной доске.

– А подвал здесь есть? – почему-то понизив голос, спросил Юра.

– Есть, только туда дверь с улицы ведет, с той стороны, – я махнул рукой. – Там уголь хранился, еще даже осталось немного.

Кот, незаметно вернувшийся, услышал свое имя и подошел поближе.

– Ты посмотри! – сказал я Юре. Перед дверью лежал слой пыли пальца в полтора. Она собиралась в невесомые комки, и ее слегка перекатывало сквозняком. Но не это было главное. По пыли к двери шли кошачьи следы, подходили к ней и просто исчезали.

– Странно, – недоуменно протянул Юра. – Эй, ты, животное, ты что, сквозь стены ходить умеешь?

Кот не ответил, он не собирался выдавать свои тайны.

А потом Юра протянул руку, чтобы ощупать низ двери, и уже второй квадрат, тихо скрипнув, провалился внутрь ее. Это был небольшой лаз сантиметров двадцать на двадцать, похоже,

сделан он был специально для кота. Обрадованный Уголь тут же исчез внутри, только потревоженная пыль поднялась.

Так мы и сидели на корточках перед темной дырой кошачьего лаза. Оттуда ощутимо тянуло сквозняком.

– Хорошая дверца! – тоном знатока сказал Юра. Он по-прежнему держал лаз открытым, и было хорошо видно, какая она толстая – сантиметров десять, не меньше.

Изнутри на нас уставились светящиеся желтые глаза.

От неожиданности Юра аж дверцу отпустил, ругнулся вполголоса.

– Это Уголь, – укоризненно сказал я, – нас ждет.

– Можно фонариком внутрь посветить, посмотреть, что там. Фонарик у вас есть? – похоже, Юра был заинтригован.

Я не ответил, осматривая внимательно дверь. На ней имелись дверная скоба и дырка для ключа.

– Так есть фонарик? – нетерпеливо поинтересовался Юра.

– Я идиот! – хлопнул я себя по лбу. – У меня же ключ какой-то в кастрюле отмокает!

Юра покосился на меня как на сумасшедшего.

– А почему в кастрюле?

– Потому что не нашлось ничего больше, я его бензином залил, чтобы ржавчина отошла.

– А-а-а, – протянул Юра, – ну тогда давай попробуем его.

– Пошли, я тебе заодно наш подвал покажу.

Ключ из подвала никуда не делся, так и лежал в кастрюле. Ржавчина теперь с него стиралась обычной тряпкой. Хорошо бы ему еще и проветриться, но уж очень не терпелось попробовать открыть дверь, так что мы ринулись в бабкину комнату, провонявшие бензином.

Тяжелый, скорее всего стальной ключ вошел в скважину точно, с едва заметным щелчком, но повернулся только после пятой попытки.

– Надо было туда масла машинного налить, смазать! – хлопнул себя по лбу Юра. От руки остался отпечаток грязной пятерни.

Зато открылась дверь неожиданно легко, в лицо тихонько дуло. Было видно только несколько ступенек вниз, остальное терялось в темноте. Поэтому пришлось притащить мощный ремонтный фонарь. Он давал очень яркий и почти не рассеивающийся луч света. Фонарь выхватывал из темноты странные предметы – какие-то пыльные колбы на огромном столе, запыленные металлические треноги, большую печь в углу, бока которой отблескивали медью, целый клубок металлических полос на стенной полке. Все это прыгало перед нами какими-то кусками и оставляло четкое ощущение чуждости.

– Ну, бабка! – тихонько прошептал я. – Ты точно была ведьмой!

Интермедия 1

Испания, окраина Мадрида, королевская тюрьма.

Теперь, когда его перевели из подвала на первый этаж башни, куда все-таки иногда заглядывало солнце, стало немного легче. Конечно, здесь не так просторно, в подвале ему отвели целых две комнаты, но там было сыро, и кашель, поселившийся в легких, грозил освободить его из тюрьмы раньше, чем кончится срок, отпущенный королем.

Здесь было легче. Алхимик устало прислонился к полке, на которой грудой были навалены куски минералов и несколько бутылей с кислотами. Когда солдаты перетаскивали все из подвала сюда, они не заботились о порядке, а у него так и не дошли руки все разобрать. Он горько усмехнулся, вспомнив, как солдаты крестились и бормотали молитвы. Ну еще бы, колдун!

В углу, в перегонном кубе, что-то булькало, в глиняную чашку из змеевика капала синеватая прозрачная жидкость. Жидкость была сильнейшим ядом из всех, которые он знал. Не для короля и стражей – его караулили слишком хорошо, просто попадать в руки инквизиции лучше мертвым. Он надеялся, что бог учтет разницу.

Куб теперь работал почти всегда, и почти всегда впустую – алхимик просто притворялся, что он что-то делает, хотя руки у него опустились еще два месяца назад. Столько же оставалось до конца года, отпущенного ему, но он так и не сумел разгадать тайну.

Великий алхимик Альфредо потерпел поражение! Это было обидно. Обидно не потому, что теперь предстояло умереть, а потому, что, раз почувствовав на губах пряный вкус тайны, невозможно ей сопротивляться – она завладевает вами целиком, и алхимик был уверен, что если бы ему позволили просто жить и работать у себя, в маленьком городке возле Апеннин, то он смог бы раскрыть ее.

Волшебная доска лежала на грубом табурете возле горна, такая же непонятная, как и прежде. Первые четыре месяца, когда он еще надеялся, алхимик работал даже ночами, наблюдал за ней и ставил опыты. Он производил вычисления по звездам, вспомнив почти забытые занятия астрологией – астрология до сих пор стояла в углу. И он все-таки кое-что узнал.

Те камни, которые были вставлены в извилистые отполированные желоба, было невозможно сдвинуть никакими силами, даже кузнечным молотом. Но тем не менее они двигались! Иногда едва заметно, иногда быстро, они меняли положение. Просто внезапно оказывались на новом месте! Но это еще не все – и число, и цвет их не оставались неизменными! Так, в самом начале их было две дюжины и три, потом их число уменьшилось до одиннадцати, а теперь снова увеличилось до полутора дюжин! Цвет их тоже менялся, и куда чаще, чем количество. Сначала он вел подробные записи этих изменений, потом в отчаянии бросил, так и не сумев понять законов, по которым они происходили.

Иногда ему казалось, что разгадка здесь, близко, и он с новой надеждой требовал редких ингредиентов и реактивов, которые доставляли буквально за несколько дней, но тайна опять ускользала и все больше наваливалось черное отчаяние.

Тогда он и решил приготовить то, что кипело сейчас в котле. Сама по себе жидкость была совершенно безобидной, но если добавить в нее щепотку желтого порошка из вон той узорной бутылки, то яда страшнее и надежнее не найти во всей Европе!

Вот он-то и поставит точку в этой затянувшейся истории.

Альфредо коротко простонал и упал на колени в углу. С маленькой деревянной полки на него, склонив голову, смотрела дешевая деревянная статуэтка Христа. По лицу Спасителя катились нарисованные слезы. Алхимик молился.

Почти два часа он тихо стоял на коленях, и губы его беззвучно шевелились. Заглянувший сквозь окошечко в двери стражник увидел это и неслышно закрыл окно.

Когда Альфредо поднял голову, то солдат бы очень удивился – глаза алхимика сияли безумной надеждой. Он бросился к столу и начал лихорадочно листать одну из книг, что-то бессвязно приговаривая. Можно было лишь расслышать повторяющееся:

– Да, да! Я глупец, боже, какой я глупец!

Постепенно он успокоился и уселся на табурет. Волшебная доска уютно устроилась на его коленях, разноцветные камни остро поблескивали в лучах масляного светильника.

Со стороны могло показаться, что он уснул.

Когда уже ближе к утру стражник снова заглянул в комнату, внутри никого не было.

Глава IV

Хороший день с плохим концом

– Ты только посмотри! – вывел меня из оцепенения голос Юрки. – Это же натуральная ловушка для молний!

Действительно, он стирал пыль с огромной, ему почти по пояс, бутылки из мутно-зеленого стекла. Вокруг ее горлышка топорщились металлические шипы, внутрь уходил железный стержень.

– Забыл, как она называется! – он попытался ее приподнять.

– Лейденская банка. – Я рассматривал странную печь в углу. От медного бака с массивной крышкой на винтах шли змеевидно закручивающиеся медные трубки, заканчивающиеся кранами. Больше всего это напоминало гигантскую кастрюлю-скороварку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.